
ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО

2/2016

научно-практический журнал

ИСТОРИЯ СТРАНЫ

КАЛАНДИЯ Т.А.

Дырка в газете.....4

АРТЮХОВ С.А.

Азовские казаки в Сочи.....5

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

АЛЕКСЕЕВА М.

Гяур.....9

ГУДИНА В.

История из жизни.....13

МИТАЛИЕР А.

Сорок всадников.....18

ПОЭЗИЯ

КОШИКОВА М.Е.

Мой любимый, будь со мною.....21

**ЛИТЕРАТУРНОЕ
ТВОРЧЕСТВО
ISSN 2313-3880**

Главный редактор
О.А. Зимовина

Компьютерная верстка
С.К. Исталиева

Технический редактор
Н.А. Разливинская

Корректор
И.Ю. Якунина

Адрес редакции:
Россия, 354000, г. Сочи,
ул. Орджоникидзе, 10а,
e-mail:
literaturnoe.tvorchestvo@mail.ru

Подписано в печать
01.12.2016 года
Усл. п.л. 11. Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии
Международного
инновационного университета
Заказ № 50

© Международный инновационный
университет, 2016

www.lit-tvorchestvo.ru

Я принимаю от жизни все.....	22
ГИНОСЯН Д.	
Так тихо и спокойно, наверное, умер я.....	23
БАУМГАРТ А.А.	
Лес.....	24
В ночи в лесу горит костёр.....	25
Меня манит вокзал, меня ждут поезда.....	25
БЕЛОВ П.И.	
Журавли.....	26
Судьба.....	27
БЕЛОКРИНИЦКИЙ В.	
Рождество.....	28
МАРТИШИ Ю.Ф.	
Бездна мечтаний.....	29
Азовский ветер.....	30
Цветок.....	30
Печальное.....	31
Конец и начало.....	32
СОКОЛОВА В.И.	
В брянском лесу тишина.....	33
Что я знаю о войне.....	35
ПИЛЬЩИКОВА Т.С.	
Осознанно когда я дни проживаю.....	39
Странно так бывает.....	40

CONTENTS

THE HISTORY OF THE COUNTRY

- KALANDIA T.A.** A hole in the newspaper. Pp. 4
ARTYUKHOV S.A. The Azov Cossacks in Sochi. Pp. 5

MODERN PROSE

- ALEKSEEVA M.** The Giaour. Pp. 9
GUDINA V. Stories from life. Pp. 13
MITALIER A. Forty horsemen. Pp. 18

POETRY

KOSHIKOVA M.E.

- My beloved be with me. Pp. 21
I take everything from life. Pp. 21

GINOSYAN D.

- So calm and peaceful, I must have died. Pp. 23

BAUMGART A.A.

- Forest. Pp. 24
At night a fire is burning in the wood. Pp. 25
I am attracted by the railway station, I am being waited for by trains. Pp. 25

BELOV P.I.

- Cranes. Pp. 26
Fate. Pp. 27

BELOKRINITSKIY V.

- Christmas. Pp. 28

MARTISHI Y. F.

- Abyss of dreams. Pp. 29
The Azov wind. Pp. 30
A flower. Pp. 30
The sad. Pp. 31
The end and the beginning. Pp. 32

SOKOLOVA V.I.

- There is silence in Bryansk forest. Pp. 33
What I know about the war. Pp. 35

PILSHCHIKOVA T.S.

- Consciously when I am living my days. Pp. 39
Strange it happens. Pp. 40

ИСТОРИЯ СТРАНЫ

Каландия Т.А.

ДЫРКА В ГАЗЕТЕ

Проработав заместителем председателя Сухумского горисполкома полтора года и получив хорошую практику, я был неожиданно переведен инструктором отдела промышленности и транспорта в Абхазский областной комитет партии. Отдел возглавлял спокойный малоразговорчивый Вахтанг Георгиевич Бериулава, а курировал его второй секретарь обкома партии Вилен Исидорович Алавидзе.

Вилен Исидорович приблизительно моего роста, в отличие от Вахтанга Бериулава любил поговорить. Совещания и беседы с посетителями у него всегда затягивались. В работе был требователен, все его уважали, но и побаивались. Вилен Исидорович часто выезжал на совещания и активы в Тбилиси, и у нас тогда наступала пора расслабления.

Как-то, заглянув в приемную Вилен Исидоровича, секретарь, миловидная Татьяна, весело подняв обе руки вверх, сообщила:

- Свобода! Нет Вилен Исидоровича! Срочно вызвали в Тбилиси на три дня. Пользуйтесь случаем! Передай ребятам.

Настроение было приподнятым. Я заглянул в открытый кабинет еще раз убедиться в правдивости слов секретаря.

- Слушай, Таня, давай разыграем ребят! Костюм у меня такой же, как и у Вилен Исидоровича, рост тот же, я сяду за стол, прикроюсь газетой, а ты вызывай инструкторов, скажи, что шеф очень злой, а дальше я знаю, что делать!

Я сел за стол, достал со стола свежую газету «Советская Абхазия», развернул, сделал небольшую дырку посередине, принял позу Вилен Исидоровича и нажал кнопку вызова секретаря.

- Ну, как? Похож? — Татьяна минуту не отвечала.

- Слушай! Я сама чуть не обомлела, точно как шеф!

- Ну, вызывай Гудису!

Спустя пару минут, осторожно открывая дверь кабинета, вошел Гудиса Дзидзария с блокнотом и ручкой. Вызывали, Вилен Исидорович?

Я поманил рукой к себе. Гудиса подошел. Высовывая руку из-под газеты, указал на стул и кашлянул. Гудиса сел. Я не выдержал и рассмеялся. Гудиса смотрел на меня, как коза на афишу.

... Оба договорились вызвать Алика Аршба из административного отдела, который тоже курировал Вилен Исидорович. Глубокопорядочный Алик отличал-

ся серьезным поведением, ответственным отношением к порученному делу и к заданиям, которые давались руководством.

Татьяна прилежно выполняла поручения. Гудиса сидел за столом с угрюмым лицом. Алик, войдя и увидев такую тяжелую обстановку, как-то сник, сжался. Я поманил к себе, затем показал на стул, кашлянул, как и в первый раз, взмахнул рукой вверх. Алик, уже было присевший, резко подскочил со стула. Я снова указал на стул, он сел, затем, покашливая, я начал брезгливо махать руками, указывая на дверь. Алик стремительно выбежал.

- Какая муха его укусила? Бедный Гудиса! Такого злого я его еще не видел!
– жаловался Татьяне Алик.

Я нажал кнопку звонка:

- Татьяна, пригласи опять Алика!

Увидев меня, Алик долго стоял неподвижно у двери, не веря своим глазам.

Потребовалось два месяца Гудисе, чтобы помирить Алика со мной, хотя мы всегда без слов хорошо понимали друг друга.

Артюхов С.А.

АЗОВСКИЕ КАЗАКИ В СОЧИ

Первые упоминания о пребывании казаков в Большом Сочи относятся к 1837-1838 годам, когда русскими были основаны четыре форта Черноморской береговой линии (Святого Духа в Адлере, Александрия (Навагинский) в нынешнем центре города, Головинский и Лазарева). Целью постройки этих укреплений являлось нарушение связей между горцами, ведшими войну против России, с Турцией, не только подстрекавшей горские народы, но и снабжавшей их оружием и стремившейся самой укрепиться на Кавказе.

Например, в мае 1839 года в десант в районе будущего форта Головинского входили два полка черноморских казаков при 24 орудиях. В последующем эти казаки несли службу в основанных фортах, участвовали в многочисленных боях с горцами. Постоянный морской дозор в укреплениях Черноморской береговой линии несли и азовские казаки. Их главная цель заключалась в недопущении к русским берегам турецких судов. И на протяжении всей Кавказской войны, т.е. до 1864 года на море постоянно происходили сражения между турецкими контрабандистами и казачьими морскими патрулями.

Для справки : азовское казачье войско было образовано в 1828 году, после окончания очередной войны с Турцией. Оно состояло из бывших запорожских казаков, проживавших в Османской империи.

Для расселения им определили земли в районе Анапы. Позже территория, где находились станицы войска, была увеличена и она расширилась вплоть до Екатеринодара.

Азовское войско считалось небольшим по численности по сравнению с другими казачьими войсками России, тем не менее, боевую службу азовцам приходилось нести не только на охране сухопутных рубежей страны, но и морских.

В 1832 году всего в войске числилось 516 семейств с 835 душами мужского и 784 – женского пола. Служилый состав войска состоял из 5 сотен – т.е. 330 казаков и офицеров. А два года спустя азовцев насчитывалось уже 971 семейство. Численность войска росла и дальше.

По приказу императора Николая 1 в 1837 году из азовских казаков сформировали 10 команд для несения морской службы на Черноморском побережье. Каждая команда состояла из 20 человек во главе с хорунжим и урядником.

Для «морских казаков» построили суда – лодки, определили довольно большое по тем временам жалованье. Каждая казачья команда должна была бесменно нести службу на побережье в течение двух лет. После чего ее сменяли другие казаки этого же войска.

В 1845 году азовцев разделили на два отделения. Первое под началом войскового старшины Бараховича несло службу в фортах от Анапы до Навагинского (Сочи), второе (командовал им подполковник Дьяченко) – от форта Святого Духа (Адлер) до форта Святого Николая (он был расположен южнее Поти).

Казачьи команды постоянно проживали в фортах и терпели все тяготы и невзгоды воинской жизни. Ведь они принимали участие не только в морских сражениях, но и в обороне укреплений от горцев.

А служба в фортах была очень тяжелой. Постоянные бои, а также свирепствовавшие в то время болезни – цинга и малярия – приводили к большим потерям в войсках.

Приведем некоторые свидетельства известного исследователя Ф.А.Щербины («История Кубанского казачьего войска», относящиеся к Сочи.

«В действующем отряде, охранявшем постройку форта Лазарева, - отмечал он, - количество больных доходило до 2000 человек. В феврале 1840 г. в форте Головинском из 230 человек гарнизона было 120 человек больных, а в укреплении Навагинском на 243 человека 134 больных. Гарнизон форта Лазарева состоял из 230 человек, но здоровых было не более 90 человек, остальные лежали в лазарете».

По несколько раз в месяц укрепления сочинского побережья подвергались набегам горцев. А в феврале 1840 года им даже удалось захватить форты Лазарева и Головинский. Позже они были вновь отбиты русскими войсками.

Порой эти события приводили к большому кровопролитию. Вот, к примеру, как описывается захват форта Лазарева.

«Собралось более 1200 человек убухов, натухайцев, шапсугов и вардане

(кавказских народов) с которыми Шоген- муса, пользуясь правом свободного входа, ворвался в форт Лазарев... гарнизон форта Лазарева состоял... из 4 офицеров, 20 азовских казаков и 160 солдат , из которых было до 80 серьезно больных. Горцы проникли в форт 7 февраля на рассвете, быстро убили часовых, так что выбежавшие на тревогу солдаты не успели ни одеться, ни вооружиться, заняли фасы и открыли из-за тур меткий огонь. Обращенными внутрь укрепления орудиями было сделано только 5 выстрелов. Завязался рукопашный бой, длившийся не более получаса. Весь гарнизон лег на месте. Отдельной группой 30 рядовых держались некоторое время, но были взяты в плен живыми. Азовские казаки, бывшие на берегу моря, сделали отсюда 10 орудийных выстрелов. Из 10 здоровых казаков 5 было убито и 5 взято в плен. Общая схватка продолжалась 3 часа. Горцы изрубили больных, ограбили укрепление и сожгли строения... взяли в плен 40 человек».

Но все-таки основная служба азовских казаков проходила на море. Только в районе Большого Сочи они провели десятки боев с турецкими контрабандистами.

«В мае 1844 года из Лазаревского укрепления были посланы две казачьи лодки для поимки контрабандного судна. Сблизившись с неприятелем, азовцы открыли стрельбу из фальконета. Турки отвечали им из трех пушек. При еще большем сближении судов завязалась перестрелка из ружей. Казаки выстрелами из фальконетов повредили снасти, убили рулевого, но зыбь помешала им захватить турецкое судно. У русских было ранено трое. По рассказам горцев, на турецком судне находилось 16 турок и до 80 черкесов. У них были убиты шкипер, 5 турок, 9 черкесов и ранено 11 человек».

Или вот еще несколько свидетельств. Все они относятся к действиям отделения, которым командовал Барахович.

«В первых числах июля, между Лазаревским и Головинским фортами, прибыло из Турции контрабандное судно большого размера и хорошей постройки. Начальник азовских команд войсковой старшина Барахович отправился из форта Вельяминовского (Туапсе) 8 июля вечером с 3 офицерами и 155 казаками на 8 ладьях к устью р. Мезуапсе и, пользуясь темнотою ночи, высадился на берег. Несмотря на сильный огонь из ружей и пушки со стороны черкесов отряд изрубил и сжег контрабандное судно, отнял у горцев орудие и взял черкесскую галеру на 40 человек, потеряв ранеными 3 офицера и 8 казаков. Из 12 контрабандных судов, пришедших в течение лета на Черноморское побережье, 7 было взято азовскими казаками и уничтожено».

«В ноябре азовские казаки открыли близ форта Головинского контрабандное судно, на котором находились черкесы. Три казачьи лодки, под командованием войскового старшины Бараховича, подняли парус и стали догонять судно. С лодки начали стрелять из фальконетов ; турки отвечали им из пушек. Удачным выстрелом из фальконета казаки сбили бизань-мачту на турецком судне. Все оснащение судна и паруса упали на палубу и судно потеряло ход. Другим выстрелом из фальконета было сбито со станка на судне орудие. Тогда горцы начали бросать оружие в воду... К 5 часам утра 30 ноября казаки и турки оказались в 40 милях против укрепления Головинского. При дневном свете казаки с двух сторон бросились «на ура» и ов-

ладели неприятельским судном. При этом было взято в плен 9 турок, 72 черкеса, 78 черкешенок и 3 русских мальчика, которых везли в Турцию для продажи. На судне взят медный единорог (орудие) Брянского завода).

«Преследуя 19 апреля 1845 г. близ форта Головинского контрабандное судно, начальник азовских команд Барахович остановил погоню, так как, благодаря ветру, судно пристало к берегу, где собралась громадная толпа горцев, которые выстрелами из ружей не допускали казаков к судну. В это время сильная зыбь прибила судно к берегу и опрокинула его. Тогда Барахович, выстроив казачьи ладьи в линию, приказал открыть огонь из фальконетов, чем сильно повреждено было судно, но усилившаяся зыбь вынудила казаков вернуться в форт Головинский. В этой стычке понесли значительные потери турки и черкесы, бывшие на берегу, у казаков же был ранен в левую руку сам Барахович, убиты два солдата и ранены 4 казака».

В последующие годы азовцы, отстаивая завоевания Российской империи на Кавказе, провели немало аналогичных операций, о чем имеются многочисленные архивные свидетельства.

После окончания Кавказской войны казакам было предоставлено право селиться на сочинском побережье. Но мало кто из них воспользовался этим – тогда хватало еще более удобных для пашни земель на Кубани. Однако отказались не все: среди крупнейших землевладельцев сочинского округа (района) до революции имелись и представители казачества.

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

Алексеева М.

Г Я У Р

*«Человек, творящий зло, - враг самому себе:
ведь сам он и вкусит плоды своего зла»
Древнеиндийская мудрость*

Глава первая. Каффа.

Раскаленный степной ветер лениво шевелил блеклые, пожухлые листья чахлых придорожных тополей, обжигал усталые, запыленные лица невольников. Сверкали белые зубы и злые прищуренные глаза на закопченных ветрами и солнцем мрачных лицах татарских всадников. Со свистом щелкали плети, тяжело бряцали ржавые цепи и кандалы, звонко ржали низкорослые татарские кони, и клубилась под их копытами густая, желто-бурая, едкая пыль разбитого крымского шляха.

Вдали медленно выростали, колеблясь в знойном мареве, глинобитные стены и неуклюжие белые минареты Каффы. Серебрясь и дрожа, выплыла из бездонной хрустально-прозрачной голубизны небосвода иссиня-черная бесконечная морская гладь. Глухо шумел черноморский прибой, звенели невольничьи цепи на работорговом рынке старой Каффы, десятки турецких галер плавно покачивались у грубо сколоченных деревянных причалов в ожидании новых караванов рабов - Османская империя жадно поглощала дешевый «ясырь»¹.

- Ашхаду анна ли илаха илла ллаху уа Мухаммадун расулу ллахи²... - привычно нудно тянул нараспев с вершины минарета красивый сладкоголосый муэдзин, созывая верующих совершить «духру» - третью дневную молитву.

Было нестерпимо жарко и душно, но торговля на рынке рабов не прекращалась. Визгливо скрипели высокие деревянные ворота, пропускавая покупателей, зевак и вереницы угрюмых пленников. Десятки полуголых человеческих тел теснились в узких железных клетках, длинными рядами заполнявшими обширную рыночную площадь. Резкие запахи нечистот, пота, зловонные испарения отхожих

1 «Ясырь» - пленный, военная добыча. Происходит от арабского слова asir.

2 Верю, что нет бога, кроме Аллаха, а Магомет – пророк его...

мест затрудняли дыхание.

Широкоплечий, коротконогий, нахальный турок с толстым перебитым носом поспешно бросился навстречу мурзе - владельцу вновь прибывшего каравана. Оскалив гнилые желтые зубы взамен улыбки, выкрикивая льстивые слова приветствия, он настойчиво замахал волосатыми мускулистыми руками, туго перехваченными у запястий грубыми сыромятными ремнями, нервно завертелся у стремени мурзы, бешено тараща раскосые черные глазки. Мурза криво усмехнулся, склонив голову в знак приветствия, соскочил с коня, и, похлопывая себя по ляжке рукояткой плетки, неловко затопал по дороге, разминая косолапые кривые ноги.

- Рад видеть тебя, Абдулла! Как здоровье моего друга - почтеннейшего Анти-паши Мариоля? - спросил мурза нахального турка.

- Всемогущий Аллах наделил его отменным здоровьем, большой силой и несравненной мудростью. Хозяин занят ремонтом галеры. Вчера он вспоминал вас, славный Бахадур... Как малочисленен в этот раз ваш караван!

- Аллах не внял моим молитвам, набег на Русь был неудачным. Взяли всего два десятка гяуров³. Зато, какие они молодцы! Любая галера могучего флота Пресветлого султана полетит по волнам подобно птице, когда эти неверные навалятся на весла...

- Твои гяуры, Бахадур, будут долго брыкаться в стойле, как дикие необъезженные кони. Поверь, у меня наметанный глаз. Взгляни на высокого черноволосого гяура, в глубине его синих глаз бурлит океан лютой ненависти... Он никогда не свыкнется с положением раба.

- Его ненависть обратится в кровь - его собственную кровь. Янычары выбьют плетью любую гордыню и спесь, и со временем он станет верным цепным псом своего хозяина.

- Готовым перегрызть ему горло при первом удобном случае.

- Абдулла, не считаешь ли ты, что этот гяур предпочтет смерть рабству? Тогда я продам его владельцу свинцовых копий.

О нет, славный Бахадур, он будет бороться за жизнь до последней возможности, мечтая о свободе. С рождения в него вселилась душа свободной птицы. Нет, это не ничтожный червь, готовый пресмыкаться за миску вареной чечевицы. Вглядишься! Огнем непримиримости пылают его дерзкие глаза. Анти-паша Мариоль предпочитает покупать таких «дерзких» рабов - они дольше живут. Их питает мечта и надежда обрести свободу... отомстить.

- Если, Абдулла, ты купишь пять - шесть моих пленников, я подарю Анти-паше Мариолю черноволосого гяура в знак нашей давней дружбы.

- Хозяин прислал меня на рынок за рабами. Я принимаю твое предложение, славный Бахадур. Позволь мне осмотреть товар.

Выдернув из-за голенища сапога шелковую плетку, Абдулла подошел к невольникам. Внимание его привлек скуластый русин со страшным следом са-

³ Гяур (от араб. кафир — неверующий), у исповедующих ислам, название всех немусульман.

бельного удара на лице.

- Турецкий ятаган окрестил твой лик, неверный, - сказал Абдулла медленно, но правильно выговаривая трудные русские слова, - Плетки янычар украсят твою спину шрамами, если будешь плохо работать.

Заметив медный крестик на шее пленного, Абдулла поддел его рукояткой плетки:

- Христос отказался от тебя, а ты все таскаешь на шее крест...

Лицо русина покраснело, желваки заходили по щекам.

- Запомни, гяур, хозяина, который покупает тебя, зовут Анти-пашой Мариолем. Он командир девятнадцатипушечной галеры - лучшей в Цареградской дивизии османского флота.

Отныне Анти-паша волен распоряжаться твоей жизнью и смертью. Он бог - единственный бог, которому ты должен поклоняться, - заключил Абдулла, срывая крестик с шеи пленного. Зазвенели цепи, Абдулла отступил на шаг, уклоняясь от удара.

- Неверная собака, я проучу тебя!

Плеть взметнулась молнией, оставив на лице русина узкую кровавую полосу.

- Открой рот, пес! - бешено взвизгнул турок.

Люди Бахадура схватили непокорного русина за руки, сбили с ног, запрокинули назад голову.

- Хорошие зубы свидетельствуют о наличии крепких костей. Прочному скелету сопутствует хорошая мускулатура, - громко пояснял Абдулла, деловито осматривая повергнутого на колени пленного. - Сильные мускулы необходимы галерным гребцам - рабам султана. Да живет вечно наш Пресветлый «Порог Справедливости»⁴, Гроза Вселенной, владыка великой и непобедимой османской армии и самого могущественного флота мира! Славный Бахадур! Я покупаю шесть мужчин и одну женщину. Мне приглянулась эта, высокая смуглянка. Откуда ты родом, красавица, и как твое имя? - спросил Абдулла, ласково поглаживая длинные шелковистые волосы молоденькой девушки, одной из трех, пригнанных в Каффу с караваном мурзы.

- Мария... Я жила под Воронежем, - потупив взор, тихо отвечала она.

- Сбрось одежду... Ну, чего мнешься? Раздевайся! - смеясь, заявил Абдулла, наматывая на руку толстую косу девушки.

- Зачем измываешься над людьми? - вмешался в разговор высокий черноволосый пленный, которого мурза обещал подарить Анти-паше Мариолу. - Коран предписывает господам мягко, по-отечески относиться к рабам своим. Перед Аллахом все равны, все его рабы.

Абдулла поднял голову, удивленно глядя на черноволосого.

- Аллах разделит людей на избранных и простых, на господ и рабов, и каждый должен знать свое место на земле и смириться - так сказано в двадцатой суре Священной книги, - парировал Абдулла.

- Я сразу определил, что это не простой смертный, - добавил он, обраща-

4 Один из титулов турецкого султана.

ясь к мурзе. - Гяур знаком со священной книгой мусульман. Анти-паша Мариоль будет доволен... Этим шестерых рабов и девку - на корабль, - приказал Абдулла своим янычарам.

Глава вторая. На галере.

Последние лучи солнца на мгновение вызолотили гребни зеленовато-прозрачных волн. С запада пахнуло свежим ветром. Небо быстро почернело, и густая непроглядная тьма южной ночи разлилась над морем. Галера кренилась, плавно опускалась в черную бездну, замирала, словно раздумывая, вздрагивала под напором волн и ветра, и, лениво поскрипывая шпангоутами, устремлялась вверх, к ярким незнакомым созвездиям южного неба. Сердце сжималось от тоски по далеким родным местам, по дому, по близким. Мертвящее, безжалостное чувство обреченности сдавило грудь железной хваткой, разрывало сердце, но мозг упорно не желал мириться с несправедливым приговором судьбы, с положением галерного раба, прикованного цепью, подобно собаке, к корабельной банке.

Он, Иван Семенович Мошкин, калужский стрелец из сторожевой станицы на реке Усерде, прикрывшей от ворогов дорогу к сердцу Руси - величавой златоглавой Москве, - раб нечестивых басурман и обречен живот свой мучить на турецкой каторге. Как могло случиться такое? Лучше бы скосила его острая татарская сабля на поле брани, в лютом бою с крымской татью.

А сколько здесь людей разных: слева, на передней банке, отдыхают, скованные одной цепью, казаки-донцы: Прон Герасимов, Григорий Никитин, Иван Игнатьев и Юрий Михайлов. Рядом с ними, погружены в глубокий сон после утомительного дневного перехода, верхнеломовский казак Тимофей Иванов и моложавый казак совсем малого роста Кирюшка Кондратьев. За ними, на третьей банке - два стрельца - братья Иван и Федор Лукьяновы, да пашенные крестьяне с орловщины: Степан Платонов и Петр Артемьев, а дальше - два сына боярских - Мартин Сенцов из Воронежского уезда, да Иван Климов из Ельца и житель Одоева Никита Афанасьев, и Шацкий житель, Максим Полуехтов. И всего на галере - триста три невольника: больше двухсот с Руси Польской, двадцать семь русских и семьдесят христианских душ - сынов разных народов фряжских.

Из женщин на галере находится воронежская дивчина Марийка, взятая турками в помощь толстому эконому Микуле. Он приставлен заведовать съестными припасами, предназначенными для стола капитана галеры - хозяина всех рабов - Анти-паши Мариоля. Микула также кормит турецких солдат и невольников. Кроме гребцов - невольников, на галере постоянно находятся до двухсот пятидесяти турок разных возрастов и званий.

Глава третья. Утро.

- Мой господин, проснитесь... Свет нового дня родился на востоке, южный ветер сменил направление и крепчает, - растягивая слова, ласково говорил Абдулла,

осторожно трогая за плечо командира галеры.

Заспанное отечное лицо Мариоля исказилось кривой недовольной гримасой. Открыв глаза, он бросил на пристава презрительный взгляд, почесал пальцем толстый нос, огладил густую курчавую бороду, соображая что-то, и, громко зевнув, спросил:

- Гребцы спят?

- Спят, почтеннейший.

- Поднимай. Выдать сегодня всем двойную порцию каши. В семь сниматься с якоря... Идем на Азов.

- Слушаю и повинуюсь, о, почтеннейший! - льстиво улыбаясь, закивал головой Абдулла, пятась задом к выходу.

- Подъем! Подъем! - донесся спустя минуту с палубы его сиплый пронзительный голос, – сегодня всем гребцам придется потрудиться. Кто будет работать старательно, вечером получит дополнительную порцию каши. Ленивых и нерадивых янычары накажут плетью, а пустой желудок накажет их вторично.

- Вставайте, неверные собаки, скоро взойдет солнце. Мы снимаемся с якоря.

Удары плетей и ругательства, звон цепей и гул сотен голосов возвестили о начале нового дня.

Продолжение следует.....

Гудина В.

ИСТОРИЯ ИЗ ЖИЗНИ

ТАК ЭТО ВАМ НАДО?!

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Она вышла тёплым осенним утром из дома, улыбаясь прохожим и встречным авто. «Двадцать минут и ...готово!» - размышляла наивная девушка, подходя к обычной поликлинике. Всего-то и надобно взять направление на сдачу анализов.

К тому же пришла она задолго до начала работы медучреждения: надо было ещё и на работу вовремя попасть. У входа вовсю формировались свои очереди – кто на кровь, кто к любимому доктору. Время торопило. Кое-как образовавшиеся шеренги вновь смешались и с натиском двинулись к ступенькам. Двери поликлиники отворились в 7.55. Народ повалил. Подобно жукам, не имеющим своего предводителя, пациенты занимали необходимую им территорию.

- А вы не видели женщину в коричневой куртке? Чёрная такая вся, - спрашивала стоявшая возле гардероба старушка, потерявшая ту, за кем стояла.

Все пожимали плечами и шли дальше, а она, окончательно растерявшись, всё продолжала искать в чужих знакомые ей черты.

«Как же хочется ей помочь», - размышляла девушка, но надо было возвращаться к истокам бытия. Как положено, встала в очередь в регистратуру, чтобы получить карточку, своеобразный пропуск к слугам Гиппократу. Мелькали лица, кто-то пару раз толкнул своим мощным локтем. И всё бы ничего, если бы сие стояние не увенчалось успехом.

- А вы давно были? – уточнила медработник, вернувшись с пустыми руками после напрасного поиска документа.

- Примерно месяц назад.

- У кого?

- У Санниковой. Мой терапевт был в отпуске.

- Хм, - прозвучал тут же недоумённый ответ.

- Идите в кабинет 2.15. Вот бегунок.

- А карточка-то моя найдётся? – предчувствуя недобрые события, спросила девушка.

Получив одобрительный кивок головой, побежала опростелью по лестнице. Время уже поджимало. Увидев вереницу просящих об исцелении, она была вынуждена стать крайней: а куда деваться, если уж пришла, да и драгоценные минуты уплыли. Смирившись с этим положением, молодая позвонила начальству, предупредила, что опоздает на полчаса или чуть больше. Стоящие впереди неё шесть человек, сидящие на кушетке бабушки, хождение туда-сюда людей в белых халатах – всё это она не раз наблюдала здесь же, потому внутреннее раздражение уступило место покорности.

Два часа раздумий и ожидания сменились окриком: «Следующий!»

Пожилая женщина, обложенная грудой карточек, что-то писала.

- Слушаю вас. Вы по какому вопросу?

- Я была на приёме у доктора в частной клинике, и мне назначили обследование. Вот перечень анализов, которые необходимо сдать. Да и ещё сделать выписку о том, что я проходила флюорографию.

- Вас кто назначал?

- Ревматолог.

- Вот и идите к нашему ревматологу. К тому же карточки вашей нет.

- Как? Я просидела у ваших дверей два часа, чтобы узнать о своём напрасном приходе к вам?

- Я вам ответила. Идите к своему терапевту и разбирайтесь.

- Но мне сказали, что она уехала по вызову.

- Идите к её медсестре. Найдёте карточку, медсестра вам сделает необходимую выписку, а потом уже к ревматологу за направлениями.

Было жаль потраченного времени, в желудке - пусто, но прежде чем уйти из поликлиники, нужно было всё-таки найти хотя бы карточку.

Да, медсестра была на своём месте. Она попросила немного подождать и удивилась, почему вдруг я решила прийти именно к ней.

- Знаете, я уже даже забыла фамилию своего участкового терапевта. То она в отпуске, то на вызове, то ещё что-то случается.

- Ладно. Посидите. Подождите.

К счастью, путешествуя из кабинета в кабинет карточка нашлась быстро.

- Откройте. Откройте скорее вашу сумочку. Спрячьте карточку, чтоб никто не видел.

- А выписку? О прохождении флюорографии?

- Я не имею права. Идите к врачу.

«Интересно получается: выписку она сделать не может, зато с карточкой что хочешь, то и вытворишь, если, конечно, делать всё аккуратно», - размышляла девушка, периодически ухмыляясь и направляясь без очереди (возгласы возмущённых пациентов уже не волновали) к кабинету терапевта, у которого недавно была на приёме. Получить хотя бы выписку уже было большим успехом. На следующий день был запланирован поход к ревматологу.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

- Пойду снова рано. Карточка уж точно теперь в регистратуре найдётся. Главное – занять очередь, получить бегунок, а потом уж и эти бумажные направления.

Но не тут-то было. Сначала всё шло по плану: очередь в регистратуру за карточкой, бегунок, вновь построение, привычный вопрос «А крайний кто?»

Больничная жизнь шла своим чередом. В коридоре становилось тесно. Народ прибывал. Очередь тех, кто шёл сдавать кровь, удлинялась. Именно она больше всех заинтересовала девушку: надо же было чем-то развлекать себя, пока стоишь.

- Ты что опять здесь, Матвеевна? – с улыбкой приветствовала пенсионерка свою давнюю знакомую.

- Ой, да я здесь уже с полвосьмого. К гинекологу бегала, направление взяла, у терапевта очередь заняла. Теперь вот стою на кровь сдавать, девяти часов сказали ждать.

- Ух, ты и шустра. Везде успеваешь. Да ты всегда была такой. Не угонишься за тобой.

Они радостно разговаривали, немного ворчали, лезли со своими замечаниями к другим и даже умудрились проскочить сразу несколько кабинетов.

«И как тут не поучиться у этих боевых подруг?! – с умилением подумала девушка, которой уже изрядно надоело стоять, разминая то одну, то другую ногу. Её улыбка мигом сменилась недовольством, как только одна из бабулек проскользнула мимо неё без очереди к ревматологу.

Но и здесь ей удалось сдержать себя. Нервы сдали, когда она оказалась в кабинете у доктора. После логичного допроса, зачем и почему это обследование, ревматолог стала заполнять соответствующий бланк.

- Стоп. А вы что? На операцию?

- С чего вы взяли? Мне нужно сдать анализы.

- Вот эти четыре я вам назначила, а ещё два не могу. Идите к терапевту, он вам даст направление.

- Но я ведь уже у него была. Определённое число часов потратила. Почему же мне сразу никто ничего не сказал?! Я больше никуда не пойду.

- Не знаю. Успокойтесь. Идите в регистратуру, спросите, как работает ваш терапевт, а я схожу к заведующей.

Негодование накрывало девушку, она стремглав понеслась к регистратуре и, уже не думая о своей воспитанности, крикнула, что есть мочи:

- А Дубцова как сегодня принимает?!

- Она на учёбе, спокойно ответили ей.

Лучшего ответа ожидать не стоило. Наконец-то спустилась ревматолог:

- Деточка, послушай, - она медленно поправила очки, спустившиеся к кончику носа – ты, кажется, к нашей поликлинике не прикреплена. Прописана в Волгоградской области.

- А живу рядом. Два года, как я хожу к вам, и вы до сих пор не знаете, прикреплена ли я к этому учреждению?

- Если не прикреплена, заведующая сказала: «Платить!». Понимаешь? – спросила она шёпотом.

- Вы с ума, очевидно, все посходили.

- Да разве я пришла бы в обычную поликлинику, где сплошной хаос, чтобы заплатить за обследование и изрядно помотать себе нервы?

- Подожди. Сейчас ходим к начмеду, всё выясним.

- Вы издеваетесь? Я уже десять раз на работу опоздала.

- А ты позвони руководителю, скажи, что задержишься.

Как же просто решаются дела у тех, кто лишь создаёт рабочую видимость.

Вновь гонка по коридору. Щель, оставленную приоткрытой дверью, то и дело закрывали белоснежные халаты вышестоящего звена. Наконец-то девушку допустили. Вместо извинений (начмед с помощью телефонного звонка выяснила, что она всё-таки была прикреплена к поликлинике) ей стали объяснять, что надо сходить к терапевту и только через него получить направления на оставшиеся анализы.

- У меня нет времени – это, во-первых, а во-вторых, почему из-за вашей оплошности я должна куда-то ходить. К тому же мой врач, как сказали в регистратуре, уехал на учёбу!

- Мария Ивановна, отведите её к свободному терапевту.

Они вновь побежали по коридорам, заполненным жажущими здоровья волгоградцами. Сквозь толпу возле кабинета 2.11 промчалась ревматолог. Девушка осталась за дверью кабинета с надписью: «Петрова Таисия Ильинична. Часы приёма: с 8 до 14-ти».

- То одни влетают, то другие. Сидим тут часами, а они без очереди!

- Обнаглели совсем!

- Ни стыда ни совести у этих молодых!

Словно плевки летели негодующие фразы. Девушке хотелось плотно прижать

ладони к ушам и громко кричать: это было невыносимо!

- Сейчас вам вынесут направления и талон, - сказала шёпотом вышедшая от терапевта Мария Ивановна.

Минут через десять вынесли заветную бумагу, она была той же самой, только к тем четырём кавычкам прибавились ещё две. Но это уже было неважно. Нужно было мчаться на работу!..

Девушка застёгивала пальто, стоя у зеркала. С ветром наперегонки пролетели начмед и старшая медсестра. Увидев её, Татьяна Михайловна грозно показала на девушку пальцем и приказала младшей по званию:

- Этой больше не помогать! Они там, в частной, деньги зарабатывают, а мы здесь отдуваться за них должны!

В воздухе от услышанного запахло горечью. Выйдя на улицу, девушка прокричала: «Как же меня всё это бесит!..»

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

- На 9 часов на кровь кто-нибудь есть?- спросила девушка, пришедшая за сорок минут до назначенного времени. Будучи свидетелем строительства подобных очередей, она решила опередить события. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает.

Оказалась второй: нашёлся всё-таки более ранний.

Постояла, понаблюдала. Теперь уже она командовала парадом.

- У вас на сколько? – интересовалась она у приходивших, - с 8 до 9? Тогда идите направо.

- А мне куда? – спросил растерянно юноша, впервые столкнувшийся с такой ситуацией.

- Время посмотрите, в талоне написано, – равнодушно сказала она.

- 9.

- Значит, за той бабушкой в чёрной жилетке будете.

Стрелки достигли назначенного времени, но первая очередь, что должна была закончиться в 9, припоздала на двадцать минут. Стерпела и это.

Спокойно вошла с паспортом и листком назначения. Несколько минут регистрации и ...новый снежный ком на голову.

- А кто вам назначил эти два последних анализа?

- Терапевт.

- Вам неправильно оформили. Поставили в бланке две кавычки, а должны были написать новое направление.

- И что же теперь делать?

- Идите к своему терапевту, просите другое направление, новый талон и потом снова придёте к нам.

- Вы что же? Предлагаете потратить на эти походы ещё минимум два дня?

- Мы ничего не можем сделать.

- Как? Моей вины в том нет.

- Нашей тоже.

- А почему я должна страдать из-за халатной работы сотрудников этой поликлиники?!

- Уважаемая Виктория Самойловна, - немного нервничая и вглядываясь в записи бланка, протянула одна из медсестёр, - или вы идёте сейчас и сдаёте только четыре анализа, а оставшиеся два – в другое время, или не ходите совсем. Это же вам надо!

- Да, я забочусь о своём здоровье, но вам, похоже, всё равно, вовремя ли мне поставят диагноз и окажут ли своевременную помощь.

- Своё «фи» вы можете высказать начмеду.

- Я у него уже была.

- Ну, тогда идите к заведующей.

Взяв злосчастный бланк, девушка помчалась к кабинету всё знающей Татьяне Михайловне.

- Здравствуйте. Мне нужна Татьяна Михайловна. Как мне с ней поговорить?

- сказала она уверенным голосом. Секретарь приняла её за равную и спросила:

- Вы договаривались?

Без особых объяснений пациентка ответила:

- Вот бланк. Заполнен неверно. Нужно новое направление.

- Это изначально было сделано неправильно, - из дальней комнаты послышался грубоватый голос Татьяны Михайловны.

В этот раз пришлось ждать недолго. Зашифрованный диагноз перечеркнули – направление не понадобилось. Вновь очередь и ...долгожданные шесть пробирок в руке. Кровь сдана, дело наконец-то сделано!

Миталиер А.

СОРОК ВСАДНИКОВ

Каждый день жизни – это не просто время, которое мы должны прожить, но и дела, требующие нашего внимания и решения. За один день надо совершить множество поступков, порой непредвиденных, попасть в глупую или ненужную ситуацию, ошибиться в чем-то или в ком-то, узнать о предательстве, приступе зависти коллег или друзей, а может, оказаться свидетелем чьих-то сплетен и скандалов.

Но сколько этих дней? Сколько всего нам предстоит сделать, пережить, и как сохранить силы, веру в то, что мы способны преодолеть трудности и радости

жизни? Да, именно радости. Успехи тоже нуждаются в преодолении не меньше, чем черные дни, неудачи и утраты.

Меня спасает прошлое... Голоса из прошлого, которые я пытаюсь слушать, несмотря на обилие информации, прессующее нас ежедневно. Голоса эти приносят истории, легенды, притчи минувшего; подсказывают правильное решение или как себя вести в сложных ситуациях. Но самое важное, самое главное, что, слушая их, я не чувствую, что я один на этом свете.

Я никогда не видел этого человека. Его расстреляли во времена великого террора в 1939 году. Он не оказал прямого влияния на мое воспитание, мировоззрение. Я никогда не ощущал тепла его сердца и силы рук, не встречал его мужественного и прямого взгляда.

Я не видел его живым. От него осталась всего одна фотография, справка о реабилитации, две серебряные бляшки от уздечки коня и тихие рассказы моей бабушки о том, каким он был. И ее рассказы в те уже далекие годы детства и юности пронзили мое сознание.

Потом в течение всей жизни, что бы я ни читал у великих в тысячах книг, ни смотрел в фильмах, ни слышал от других людей, – бабушкины рассказы не стирались из памяти, а наоборот, обретали совершенно новое содержание, становились универсальным средством защиты от всего агрессивного, что нас окружает в этом мире.

Однажды очередной генерал-губернатор в одном из южных округов собрал старшин селений, чтобы утрясти земельные споры. Все как обычно – вечные тяжбы о земле и неизбежные конфликты вокруг нее.

Старшин собрали в большом селении, в своеобразном дворце местного князя, и начали тяжелый разговор. Наиболее острым был вопрос о границах между новыми поселениями, которые представлял мой дед, и большим селением, главой которого был царский полковник, дворянин, одним словом, весьма уважаемый человек.

Мой же дед был молод, неопытен, и у него не было особых знаний о законах империи, чиновничьем образе мыслей или тонкостях этикета того времени. Он просто знал адаты горцев и верил в справедливость и честность.

И, когда генерал-губернатор предложил самим старшинам установить границы, полковник, перечислив заслуги своих предков перед Отечеством, воздав хвалу царю и царице, сказал, что спорная земля с незапамятных времен принадлежала его предкам, когда они были царственными аланами, а до этого – скифами, а до скифов – кем-то еще. Потому-то полковник считает, что спор неуместен, и он с удовольствием укажет моему деду, где на самом деле находится граница его поселений.

Генерал-губернатор произнес что-то вроде: «Ну и хорошо!» Чиновники и старшины громко зааплодировали полковнику и дали слово моему деду. Дед встал и сказал несколько слов, от которых у тех, кто понимал его язык, возникло чувство, будто их пронзил холодный звук вынимаемого из ножен кинжала. Такие слова можно было услышать где угодно в горах, но только не среди этих людей,

привыкших решать все вопросы не в бою, а в кабинетах, тихо и продуманно.

Вот эти слова, обращенные к полковнику: «Завтра я посмотрю, какой ты мужчина!»

Князь тут же резко рванулся к деду и встал между ним и полковником. Моментально старшины и сопровождающие их охранники и писари сделали живой коридор, чтобы генерал-губернатор смог уйти. И тот, улыбаясь главному жандарму, пошел сквозь коридор, повторяя: «Всё, как всегда... всё, как всегда...». Шагая за генералом и глядя на этих горячих южных людей с еле скрываемой досадой, жандарм бурчал в ответ: «Разберемсь... разберемсь...». Только после этого князь попросил всех участников собрания разойтись по домам, а деда – расположиться и принять угощение в княжеском доме.

Полковнику же предложили остановиться в доме родного брата князя. В те времена дома братьев обычно располагались в одном дворе.

Ночью же, боясь, что может пролиться кровь, князь послал гонцов в селения деда и полковника, чтобы их родственники прибыли к утру и помогли отвести беду, нависшую над княжеским домом.

И вот оно пришло, это яркое утро предгорий. И все увидели, что возле дома, где расположился полковник, стояли две лошади – гонца и ординарца-казака. А у дома напротив – сорок всадников.

Почти одновременно вышли полковник и дед из противостоящих домов. И дед сказал полковнику, указывая на своих всадников: «Мужчина тот, за кем стоят люди, а дальше думай сам, нужна ли тебе наша земля?»

Я часто слышу этот голос, эти четкие гортанные звуки. Звуки языка, которого я сам почти не знаю, но хорошо помню его вечную мелодию. И я не чувствую себя одиноким.

И пусть у меня, или у кого-то другого нет сорока всадников. Но есть наша память, есть голоса, которые мы должны услышать внутри себя, если в реальном мире нас никто не слышит.

ПОЭЗИЯ

Кошикова М.Е.

МОЙ ЛЮБИМЫЙ, БУДЬ СО МНОЮ

Мой любимый, будь со мною
Ветром теплым, утром ранним,
Тишиною, солнцем ярким,
На ладонь – пером лебяжьим...
Будь со мною тихой тенью,
Нежным ангелом, дыханьем,
Теплой, звонкой с крыш капелью
Или детской колыбелью.
Песней тихой, задушевной
И любовью бесконечной.
Будь со мною, мой любимый
Теплым пледом, жизнью вечной.
Я с тобою буду рядом –
Буду преданным я взглядом,
Буду теплою водою,
Если надо, ключевойю.
Я песком под ноги лягу,
Солнцем южным обогрею.
И попутным ветром стану –
Все смогу я, все сумею.
Для тебя, любимый буду
Вечной радостью и бурей,
И огнем и белым снегом –
Кем захочешь, тем и буду!
Вместе мы, как пара крыльев,
Мы, как Бог неразделимы.
Силой мы с тобой едины,
Духом и душой родные.
Ты вздохнешь, и я вздыхаю,
Упадешь, и я с тобою.

Я слезой твоею стану
И послушною рабою.
Смехом на устах взыграю,
Птичьей трелью заиграю...
Мыслью... шепотом... луною,
А потом самим тобою...

Я ПРИНИМАЮ ОТ ЖИЗНИ ВСЕ

Принимаю от жизни все:
И рассвет, и холодный ветер,
И суровый и нежный взгляд,
И небесный, что чист и светел.
Принимаю счастливый день,
Что наполнен любовью и счастьем.
Принимаю и боль потерь,
И участие и безучастье.
Вновь сплетаются нить и уток
В черно-белое покрывало.
Не могла я принять никак...
Мне тебя было страшно мало.
Принимаю слова любви,
Прилетевшие с Неба в белом.
Принимаю «Прощай, прости!» -
Нить другая – ну, что поделать?!
Принимаю мгновенья, года –
Моей жизни случайный узор.
Ты сказал: «Надоем!» тогда,
А потом навсегда ушел.
Новый день... новый год – пустяк!
Все летит мимо словно пыль!
Принимаю! Пусть будет так:
Вместо «есть» неизбежное «был».

Гиносян Д.

ТАК ТИХО И СПОКОЙНО, НАВЕРНОЕ, УМЕР Я

Так тихо и спокойно, наверное, умер я
Но нет, глаза открылись и вновь я вижу чёткость бытия.
Я вижу, смерть вокруг летает, бойцам покоя не даёт.
Так жадно жизни забирает.
На ушко умершим поёт.
Я вижу солнце, вижу небо.
Хочу подняться туда вновь.
Хочу растаять в сладкой синеве.
Забыть о всех мучениях, забыть о том как горько мне
Забыть о том как друг мой детства,
плечом к плечу с которым шёл по жизни.
Скончался на моих руках...
И все же я хочу кричать
Хочу метать и рвать
Грызть глотки, ради Родины, за мать.
От одного воспоминания
Что дома
Вся в слезах
Надеется и ждёт
С иконой маленькой в руках, седая мать.

ЛЕС

Лес осенний!
Какое ты чудо.
После шумного города, ты
Старый друг,
Меня снова встречаешь,
Не скрывая своей красоты,
Ты заботой своей окружая,
Позволяешь забыть обо всём,
Даже самые мрачные мысли
Растворяются как жуткий сон.
По тропинкам блуждая беспечно
Понимаю, что всё суета-
Ничего. Только ты во вселенной.
Всё пройдёт. Не пройдёт красота.
Ты рождаешься с каждой весной
Осень каждая - смерть для тебя.
Жил века - проживёшь ещё столько.
Я уйду - ты забудешь меня.
А сейчас я ступаю беспечно,
Твои листья шуршат под ногой.
Лес осенний!
Что есть ты - спасибо
И спасибо за этот покой.
Нас судьба разлучить
С тобой может.
На чужбине, в далёких краях
Буду я вспоминать эти троны
В листьях павших и твой полумрак.
О, как сердце печально забьётся,
Когда снова увижу во сне
Твои кроны, лишённые листьев,
Тень стволов на увядшей траве,
А сейчас я с тобою прощаюсь
Может на день, а может на год.

Что сказать на прощанье?
Будь счастлив. Жди весну
Она скоро придёт.

В НОЧИ В ЛЕСУ ГОРИТ КОСТЁР

В ночи в лесу горит костёр,
Пылает вопреки запретам.
Он с ночью борется один
В лесной глуши посланник света.
Сжимает ночь его кольцом
И давит, давит что есть силы
Но знай, горит себе костёр,
И его искры так красивы!

МЕНЯ МАНИТ ВОКЗАЛ, МЕНЯ ЖДУТ ПОЕЗДА

Меня манит вокзал, меня ждут поезда,
Да, я должен поехать туда,
Где оставил мечту, и осталась любовь,
Где горит поздней ночью звезда.
Я её не забыл, она в сердце моём,
Но случилась большая беда,
Поезд вечером поздним ушёл без меня
И быть может ушёл навсегда.

ЖУРАВЛИ

Когда в закате солнца наступает
Осенний вечер золотых полей,
В лазурном небе стаи улетают,
Знакомых с детства белых журавлей.

Летит с небес их голос к нам прощальный
Земля, как мать в тоске им шлет привет,
Я, словно заколдованный, печальный,
Смотрю на исчезающий их след...

Как будто сон... в вечерней синей дали
В далекий край умчались журавли.
Как будто часть с собой Отчизны взяли,
На крылья словно память унесли.

В который год с волнением провожаю
В даль голубую журавлиный строй,
И как друзей с улыбкою встречаю
Я журавлей весеннею порой.

Весной сквозь трудности, сквозь все границы
Вновь прилетают стаи журавлей -
Не только человеку, даже птице,
Нельзя прожить без Родины своей!

Все, что дано судьбою — совершится
В том скорби нет, а журавлиный строй
К тебе, земля родная, возвратится,
Но кто-то встретит их уже другой...

Когда в закате солнца наступали
Часы осенних золотых полей,
В лазурном небе стаи улетали,
Как дни далекой юности моей...

СУДЬБА

Стоял каштан поникший и печальный,
Осенний лист кружился вдоль аллеи,
В закате солнца лился звон прощальный
Последней стаи белых журавлей.

Каштан грустил о юности прошедшей
И вспомнил страшный день и ту беду,
Как ураган березку по соседству
Свалил на землю прямо на виду.

Он не успел прикрыть собой подругу,
Стихия все кружила, все рвала,
И подхватив березку злая вьюга
Навечно в неизвестность унесла.

Как много долгих лет с тех пор промчалось,
А он подругу видел и во сне,
И лишь сестре березы разрешалось
Потосковать с ним вместе при луне.

Ему рябина нежно улыбалась,
Звала сосна-красавица к себе,
Но только в сердце навсегда осталась
Березка милая в его судьбе.

Он полюбил ее, когда был юным,
Ее волшебный шепот, блеск листвы.
Тот милый шепот под сияньем лунным
Признался нежно о своей любви.

Каштан старел, с ним сердце под корою,
Он доживал свой скучный, долгий век.
Вы догадались, что с такой судьбою
Бывает в жизни также человек.

РОЖДЕСТВО

На окне узор холодный,
Магазины, улицы стоят.
И не зная о морозе,
нас витринами манят.

И народ спеша, «мотаясь»,
Забывая обо всем,
Каждый в мыслях углубляясь,
Столько сделать надо ведь еще.

Кто домой, а кто-то по работе,
Кто-то все купил уже давно,
Кто в гостях, а у кого-то тихо,
Рождество идет, у всех оно одно.

Нежный, сказочный, красивый праздник.
Божия десница Нас ХРАНИ!!!
Отведи от нас беду, невзгоды
И от гадости и зла нас защити!

Каждый год мы ждем с благоговеньем,
Чистыми становятся сердца,
А душа так ждет благословенья,
РОЖДЕСТВО пришло, и будет так всегда.

Мартиши Ю.Ф.

БЕЗДНА МЕЧТАНИЙ

Я хочу прыгнуть в бездну мечтаний,
В тень иллюзий и бурных страстей,
Там купаться в реке испытаний,
Стать носителем новых идей.

А еще твердь, толкая ногами,
Ухватиться за звездную плеть.
Обнимая весь мир с облаками,
Захочу людям песню пропеть.

Пусть не громко, не так это важно.
Надо просто ритмично тянуть,
Чтобы ветер с надрывом протяжно
Ухватил музыкальную суть.

Да услышат поляки и финны,
Англичане, французы, мордва.
Им моря, перелески, равнины
Прошумят моей песни слова.

Песня сила, но звезды важнее.
Я достигну придельных высот.
Станет небо мне ближе, роднее.
В звездном доме окончу полет.

Как приятно резвиться с мечтами,
Свет обнять, долетая до звезд,
И паря над лесами, полями
Подарить миру песенный мост.

АЗОВСКИЙ ВЕТЕР

Азовский ветер зачерпнул в ладошки
Морскую гладь встревоженной воды
И кинул в берег волны – многоножки,
Бурля и пеня давние мечты!

О лунном свете в одиноком море.
Про паруса и мачты корабля.
О диком шторме, страстном разговоре.
О том, как ты кричала мне, земля!

Кровавый нож, измена и расплата.
Испанец, крик и хриплый шепот нет.
За что, о боже, мертвецу награда
Твой нежный стан в числе его побед.

Полило солнце из владений рая.
Вдруг исчезая, появлялось вновь.
Я плыл домой, тревожно вспоминая,
Желанный остров и свою любовь!

Азовский ветер зачерпнул в ладошки
Морскую гладь встревоженной воды.
Турбаза, лето, кинул в море ножки,
Бурля и пеня, детские мечты!

ЦВЕТОК

Как мало лет отведено,
На жизнь на этом белом свете.
Любовь, работа, дом, кино,
Мечты, заботы, алчность, дети.

Мешает временной поток,
Людские судьбы пожирая.
Лишь только вечности цветок
Не умирает в куцах рая.

Я часто вспоминаю мать.
Жена давно уже в могиле.
Не звонит дочь, а сын стал врать.
Не знаю, сколько буду в силе?

Лечу по ветру, как листок.
Цепляясь телом за сознание.
Забыт, отвергнут, одинок.
За что мне, боже, наказание?

ПЕЧАЛЬНОЕ

Притащилась зима, неуклюжая, старая.
Потемнел посеревший измученный день.
Ты стоишь на снегу молчаливо-усталая.
Загустивший фонарь написал твою тень.

Организм истощен постоянным усилием
Над собой, над судьбой, чередой перемен.
Воля, ярость и злость отравились бессилием,
Потому что недуг взял мечту твою в плен.

Жизнь летит над землей, ускоряясь надеждами,
Забирая людей в небывалый полет.
Боль грызет и орет на костях под одеждами,
Потому что в душе ангел смерти поет.

До свидания мир, все такое печальное.
Разум в мысли стучит, нагоняя тоску.
Палец памятью жжет, где кольцо обручальное.
<<Он останется здесь>>, – ветер шепчет виску.

КОНЕЦ И НАЧАЛО

Вдалеке от гнетущих дорог,
Средь крестов, наступающих в вечность,
Смерть нашла для тебя уголок,
Наказав за слепую беспечность.

Уж давно отшумела весна
Твоих лет, убегающих в детство,
Где была ты красива, стройна,
Принимая от жизни наследство.

В сердце буйно горел огонек,
Не покорный, уверенно-сильный.
Он все тяготы вынести мог,
Организм напрягая двужильный.

Время шло, лето, осень, зима.
Муж, ребенок, заботы, тревоги.
Белый день, вечер, мокрая тьма.
Перекрестки, леса, и дороги.

Как банально, и вот он финал.
У судьбы есть конец и начало.
Почему же тогда я рыдал,
Когда матери ночью не стало.

Соколова В.И.

В БРЯНСКОМ ЛЕСУ ТИШИНА

Шумел сурово брянский лес...
В брянском лесу тишина.
Дремлют мохнатые ели.
Давно отгремела война
В суровой солдатской шинели.

Уж затерялся тот след,
В чащах и дебрях бурьяна,
Где, обгоняя рассвет,
Шли на врага партизаны.

Вот на опушке у пня –
Здесь иван-чай расцветает-
Бывшей землянки края,
Будто беду возвещают.

Грозное эхо войны
Миною ржавой рванется,
В стоне надрывной волны
Гулко земля содрогнется.

Лес, как седой великан,
Русь защищающий рьяно,
Долго не спит по ночам:
Мучают старые раны.

Гнев благородный кипит
В сердце его неубитом.
Знает: никто не забыт.
Верит: ничто не забыто.

Жизнь, устремляясь вперед,
Движет нас в новое время,

И, окрыляясь, растёт
Мирное, звонкое племя.

В брянском лесу тишина.
Дремлют мохнатые ели..
Не возвратится война
В суровой солдатской шинели!

ЧТО Я ЗНАЮ О ВОЙНЕ

*Посвящается моим родителям,
Мишиной Нине Моисеевне
и Ивану Сергеевичу*

А что я знаю о войне,
О времени далеком
Великих горестей и бед,
Родившись позже сроком?

Сухими строками газет
Известна тема будет,
И вам политик даст ответ
По фронтовым тем будням.

Но я знакома с ней давно,
Увы, не понаслышке:
Вошла в мой дом, оставшись в нем,
И не из умной книжки.

Да! Судьбы мне родных людей -
Земной поклон им, низкий -
Как летопись минувших дней,
Что стала зримой, близкой.

Лихие были о войне –
Эпохи порожденье,
Где каждый сознавал вдвойне
Свое предназначенье!

В тылу и на передовой
С единственным настроем
За отчий край вступить в бой
Способны лишь герои!

Да кто ж герои? Видно, тут
Не сказки ль порожденье,
Где чудо витязи растут
По щучьему веленью?

Нет! Подвиги не волшебство,
Не отблеск, что узорной
Сияет нам под Рождество
Игрушкой иллюзорно.

Плывут года, как корабли,
А память – звонкий бубен,
И в лихолетии войны
Все ж выстояли - люди!

Не боги и не короли-
Из городов и весей,
Обыкновенные, как мы,
Страны огромной дети.

Ах, мама! Трудно, не впервой
На те награды глядя,
Представить юною такой
Тебя связной в отряде!

Отец мой, сельский гармонист,
Не робкий для порядка,
У партизан он был своим,
Умел попасть в десятку.

Их познакомила война,
Сердца соединила,
Да, видно, та любовь была
Сильней бомбежек, взрывов.
И вражью пулю у виска
В дыму и круговерти
Любовь, быть может, отвела,
Вступив в игру со смертью?

А молодость вперед звала,
Отвагой наполняя,
Вершить великие дела,
Вершить, не отступая!

На небе звездочки горят
Сияньем серебристым,
«Народных мстителей» отряд
В лесах-гроза фашистам!

В душе мечта, что краше нет –
Наперекор шрапнели-
Грядет весенний тот рассвет
Весь в соловьиных трелях!

Минуло много зим с тех пор-
Картина, как живая:
Войны пылающий костер
И юность боевая.

Листовки – ночью, под дождем,
Аресты, спецзадания. . .
Но веру не убить мечом,
Победы час настанет!

И вот –она ! В крови, в слезах,
Святых, непогрешимых,
С великой радостью в глазах
Страны непобедимой!

Салют победы над Москвой ! . .
Седея, ветераны
От нас уходят в мир иной,
И в сердце – болью раны.

Сегодня рядом нет отца,
Утрата - за утратой. . .
Но знаю я, что до конца
Остался он солдатом!

В разбеге двадцать первый век .
Движенья горделивы!
На нерве городов и рек
Он дыбится спесиво.

Столетье прошлое уже –
Истории страница,
И на прицельном рубеже
Вдали мелькнуло птицей.

Судьба у каждого своя,
Нас время выбирает,
И, как бесстрастный судия,
К ответу призывает.

Качнутся чаши у весов,
Натужась в равновесьи,
Земли и неба древний спор
Рождается не здесь ли?

Что прежний век оставил нам,
Старик седой, речистый ?
Его наследие не хлам –
Громады храм плечистый !

Из – под нахмуренных бровей
Пытливый взгляд сверкает
Сквозь толщу вдаль ушедших дней,
И будто возвещает.

Да! Наши дед или отец
В далеком сорок пятом –
Фашизму: «Стой! И, наконец,
С дороги прочь, проклятый!»

Да! Ликовал спасенный мир,
Свободе - не отсрочка.
Гуляй, кипи широкий пир!
Пора ли ставить точку?

Война, кровавая мадам,
Зловеще ухмыляясь,
Сегодня – здесь, а завтра – там,
Наглеет, не смущаясь.

Снесенной стелой завопит,
Бесланом бьется в двери,
С экранов теле- нам грозит,
Пронзая дрожью в теле.

О человек ! Ты в жизни сей
Посланник из вселенной
Иль жалкий раб своих страстей
И подлый, и презренный?

Опомнись и остановись !
В цепи мгновений вечных
Не падшим ангелом явись,
Но силой Человечьей !

Пильщикова Т.С.

ОСОЗНАННО КОГДА Я ДНИ ПРОЖИВАЮ

Осознанно когда я дни проживаю,
Возникает чувство, будто себя я теряю,
Будто что-то не то происходит,
Иногда просто внутри всю воротит -
Осознавать, что человек, который рядом
Не ласкает ни словом и ни взглядом,
А ты наивна и глупа, ты так открыта, обнажена,
Разрывая душу на части,
Не понимаешь - зачем такое счастье?
И хочется порой мне скрыться,
Убежать, улететь, провалиться...
Оказаться с тем, кому не безразлична,
Дорога, близка и симпатична.
Жить хочу в любви взаимной и заботе,
И не скрывать ни страхи, ни тревоги...
Быть верным другом, женщиной желанной,
Лучшей, единственной и долгожданной!

СТРАННО ТАК БЫВАЕТ

Странно так бывает -
Любишь, ждёшь, мечтаешь...
Сердце, душу открываешь,
А ты не понимаешь.

Лишь сам твердишь -
Ты знаешь? Ты понимаешь?
Убегаешь, грубо и небрежно отторгаешь.
Все двери на замки ты крепко закрываешь.

А я молчу, бессильно я в своей душе кричу,
Осознавая лишь одно - в любви не так легко...
Ты думаешь, она нас окрыляет,
И глаз гореть твой заставляет,

Улыбкой лучезарной награждает?
А нет... Боишься, сомневаешься.
Ошибку за ошибкой совершая,
Ты мысли негативные пускаешь.

И между тем Меня ты учишь, развиваешь,
Активно мыслить пробуждаешь.
Со мной играя каждый день,
Всё больше попадаешь в плен.

Вопросами полна твоя душа
И два из них всё мучают тебя, меня:
Как быть если не любишь?
Как жить если не веришь?

Хочу остановить я этот мерзкий тлен.
Но я не гений и не супермен.
И может быть нет языка,
Такого вот красноречивого словца

И чувств своих в строках я выразить не в силах...
Зато честна и откровенна,
Я чувств полна, пускай несовершенна...

Условия публикации для авторов научно-практического журнала
"Литературное творчество"

Для публикации оригинальной статьи авторы должны соблюдать следующие требования подачи материалов в редакцию:

1. Статья, информация об авторе (авторах), копии квитанции об оплате должны быть представлены лично или присланы по почте письмом на почтовый адрес редакции. Статья подписывается автором на каждой странице. Коллективная статья имеет подписи всех авторов. Статью желательно отправить в электронном виде по адресу журнала e-mail: literaturnoe.tvorchestvo@mail.ru

2. Объем статьи любой. Машинописный текст статьи желательно сопроводить фотографиями или иллюстрациями.

3. Информация об авторе (авторах) на русском языке должна быть представлена на отдельном листе (и в электронном варианте) в следующем виде: 1) фамилия, имя и отчество полностью; 2) домашний адрес; 3) контактные телефоны; 4) адрес электронной почты.

Стоимость публикации одной страницы - 200 руб.

Адрес редакции журнала: 354000, г. Сочи, ул.Орджоникидзе, 10А.

Основные тематические рубрики журнала

- Колонка главного редактора
- Теоретические проблемы современной культуры
- История страны
- «Лица необщим выраженьем»
- «Я – для других»
- Межкультурные коммуникации
- Дискуссии
- Путевые заметки
- Современная проза
- Поэзия
- Студенческая жизнь

ПАРТНЕРЫ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО»:

САЙТЫ:

- АССОЦИАЦИЯ (www.associationrf.ru)
- ОТЕЧЕСТВО (www.otchestvorf.ru)

ЖУРНАЛЫ:

- ГУМАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
(www.humanization.ru; e-mail: gumanization@mail.ru)
- ПАТРИОТ: НАШЕ ВРЕМЯ
(e-mail: patriot.zhurnal@mail.ru)

Main topical rubrics of the journal

- Chief-editor column
- Theoretical problems of contemporary culture
- The history of the country
- «Faces of uncommon expression....»
- I for others
- Intercultural communication
- Discussions
- Travel essays
- Modern prose
- Poetry
- Students life

PARTNERS OF THE JOURNAL «LITERATURNOE TVORCHESTVO»:

SITES:

- ASSOCIACIJA (www.associationrf.ru)
- OTECHESTVO (www.otechestvorf.ru)

JOURNALS:

- HUMANIZATION OF EDUCATION
(www.humanization.ru; e-mail: gumanization@mail.ru)
- PATRIOT: NASHE VREMYA
(e-mail: patriot.zhurnal@mail.ru)

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО
научно-практический журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

ЗИМОВИНА О.А., доктор педагогических наук (главный редактор);

ДОВГАЛЬ Л.С., кандидат педагогических наук;

ИЗВЕКОВ И.Н., доктор педагогических наук;

КАГОСЯН А.С., доктор педагогических наук;

КИЗИЛОВ А.С., кандидат педагогических наук;

КРИПОН Н.С., кандидат педагогических наук;

ЛЯЩЕНКО Н.А., кандидат экономических наук;

РОСТОВЩИКОВА Л.А. (зам. гл. редактора);

СУСЛОВА И.Б., доктор педагогических наук;

УЧАДЗЕ С.С., доктор педагогических наук;

ЯКОВЛЕВА-ЧЕРНЫШЕВА А.Ю., доктор экономических наук.

EDITORIAL BOARD:

ZIMOVINA O.A., Doctor of Pedagogics, (The editor-in-chief);

DOVGAL L.S., Candidate of Pedagogics;

IZVEKOV I.N., Doctor of Pedagogics;

KAGOSYAN A.S., Doctor of Pedagogics;

KIZILOV A. S., Candidate of Pedagogics;

KRIPON N.S., Candidate of Pedagogics;

LYASCHENKO N.A., Candidate of Economics;

ROSTOVSHCHIKOVA L.A. (deputy chief editor);

SUSLOVA I. B., Doctor of Pedagogics;

UCHADZE S. S., Doctor of Pedagogics;

YAKOVLEVA-CHERHYSHEVA A.Y., Doctor of Economics.